

НЕКРАСОВ И ЕЛИСЕЕВ

I

С. Н. Кривенко, один из близких друзей Григория Захаровича Елисеева, с грустью констатируя факт малой популярности этого писателя, справедливо указывал, что "виноторговцы бр. Елисеевы", писавшие свою фамилию через "ять", были куда известнее, чем он - один из самых крупных людей целой эпохи ("Русак. М." 1901 г., No 7). Почему это случилось - объяснить нетрудно. Прежде всего, здесь не могла не сыграть известной роли удивительная авторская скромность Елисеева, подписывавшегося псевдонимом или не подписывавшего вовсе большинство своих статей; главною же причиной, бесспорно, явилось глухое лихолетье 80-х гг., совпавшее с последним десятилетием жизни Елисеева. Так мертво и глухо было в русской жизни этого времени, такой непроницаемый мрак сгустился над нею, что потускнело и почти затмилось сияние даже первостепенных литературных светил. Елисеев же был светилом заметным, но звездой первой величины назван быть ни в коем случае не может.

Тем не менее место, занимаемое им в истории русской общественности, нельзя не (признать выдающимся, и глубоко справедливой представляется характеристика, данная ему Шелгуновым: "Г. З. Елисеев принадлежал к людям редкого ума, тонкого, пронизательного, понимающего вещи и людей в самой их "сущности, насквозь. Это - муж по преимуществу разума и совета, занимающий первое место. По умственному складу, умственным отношениям и по условиям среды, имевшим влияние на его развитие, он - разночинец-народник. Своими "внутренними обозрениями" Григорий Захарович вносил существенное содержание в "Современник" и затем был главным руководителем и направителем "Отечеств. Записок" Некрасова".

Михайловский, в свою очередь, свидетельствует о "значительности роли" Елисеева в журналистике, ссылаясь, как и Шелгунов, преимущественно на его "внутренние обозрения". "Елисеев, - говорит он, - был силен знанием (практической жизни и умением разбираться в текущих житейских явлениях, освещая их с точки зрения требований новой, проснувшейся на Руси жизни. Эта именно черта привлекла к его "внутренним обозрениям" общее внимание и сделала их одним из важнейших отделов "Современника". Он был, можно сказать, создателем этого отдела не только в своем журнале, а и вообще в журналистике".

Деловое сотрудничество, а следовательно и личное знакомство Елисеева с Некрасовым охватывают двадцатилетний промежуток времени, с 1858 г. по 1877 г., т. е. по год смерти Некрасова. В 1858 году Елисеев напечатал в "Современнике" свою первую статью ("О Сибири", No 12, под псевдонимом Грицько) и вскоре после того сделался постоянным сотрудником этого журнала. Однако отношения его с Некрасовым, по видимому, не отличались в это время особенной близостью. В нашем распоряжении имеется драгоценный источник - неизданные воспоминания Елисеева {Отрывки из этих воспоминаний были опубликованы нами в статьях "Редакция "Современника" в 1866 г." ("Гол. Минувшего" 1915 г., No 1) и "Некрасов и Елисеев" в деле воссоздания "Отеч. Зап." (там же, 1916 г., No 2).}, дающие достаточно оснований для такого вывода. Писатели, заступившие в редакции "Современника" место Чернышевского и Добролюбова, этих искреннейших друзей Некрасова, мало знали своего редактора-издателя и судили о нем, главным образом, по внешней стороне его жизни. А внешняя сторона жизни Некрасова, благодаря его пристрастию к "минутным благам", с принципиально-ригористической точки зрения, была не особенно казиста. Неудивительно, что среди нового редакционного кружка "Современника" утвердилось о нем мнение, как о человек не слишком высокого нравственного уровня, которому не следует доверять, на которого нельзя положиться.

В особенности ярко это отношение к Некрасову, разделяемое и Елисеевым и М. А. Антоновичем, сказалось в 1862 г., после приостановки "Современника" на восемь месяцев и ареста Чернышевского. "Все друзья и враги, читаем в воспоминаниях Елисеева, интересовались знать: почему остановлен "Современник", и все приставали к Некрасову с этим вопросом. Некрасов всюду, куда являлся, чтобы отвязаться от вопрошающих, отвечал кратко: "Да я не знаю, за что остановили "Современник", верно, моя консистория {Этим выражением Некрасов подчеркивал духовное происхождение и семинарское воспитание своих соредкторов.} там что-нибудь напутала". Когда слух этот дошел до нас с Максимом

Алексеевичем Антоновичем, мы с ним очень этим обиделись, обиделись до того, что порешили не участвовать более в "Современнике", если бы он и открылся. Я осенью в этом году был приглашен редактировать имевшую открыться с нового 1863 г. газету "Очерки". Антонович согласился писать в будущей газете политическое обозрение и собирался, кроме того, искать другой работы. Чем мы тогда обиделись, теперь даже и понять трудно. По существу, действительно, Некрасов ответил так, как стояло тогда дело. "Современником" тогда почти безраздельно заведывал один из членов этой консистории, человек очень умный, даровитый и высоко нравственный, которому Некрасов безгранично доверял {Имеется в виду, конечно, Н. Г. Чернышевский.}. Многого, что печаталось тогда в журнале, Некрасов, вероятно, часто не читал за недосугом. И если что напутано было в журнале, то напутала, конечно, консистория... Но своим ответом Некрасов вовсе не отрицал своего согласия с тем, что напутано, а тем более своей главной ответственности за напутанное перед правительством... Со стороны Некрасова дать почувствовать вопрошающим, что он сам все напутал, было бы не только несправедливо, но походило бы на хвастовство, а главное было бы совсем неумно. Ведь если бы дать такой ответ, то ему после не разрешили бы продолжать издание "Современника". Но мы, конечно, и таким его ответом не удовлетворились бы. Наша честность желала, чтобы Некрасов явился подвижником первых времен христианства, т. е. предстал перед подлежащим начальством, объявил ему, что ничего напутанного в "Современнике" нет, что все, что там напечатано, именно и есть самая истина, которую он признает умом и сердцем, и что член консистории, который написал и позволил другим написать, все это сделал по его желанию и по его требованию. От такого исповедничества арестованному члену его консистории никакой бы пользы не было, самому Некрасову никто не поверил бы в его признаниях, а за этот рыцарский подвиг его или посадили бы туда же, где сидел член его консистории, или бы отправили временно охладиться в Архангельскую губернию.

Как бы то ни было, но когда в конце 1862 г. Некрасов из своего имения приехал в Петербург, его поразила неприятная новость, что мы с Антоновичем оскорблены его поведением и твердо решили отказаться от участия в "Современнике", а я даже законтраковался работать в газете. Положение Некрасова накануне открытия "Современника", -- срок опалы "Современника" истекал в январе 1863 г., --- было незавидное. Блестящий штаб "Современника" совсем исчез. Добролюбов умер, глава консистории продолжал сидеть, и не было надежды, что он выйдет оттуда; я, примыкавший к прежнему блестящему штабу, более или менее известный тогдашней публике, - также отошел от "Современника". Из старых постоянных сотрудников "Современника" остался один А. Н. Пыпин. Некрасов немедленно отправляется к Антоновичу и ко мне, умоляет нас, чтобы мы не покидали "Современника"; перед каждым из нас, а потом перед обоими вместе он клялся, призывал в свидетельство все, что было для него святого, что никогда он переданных нам слов не говорил, что он привязан и душой и сердцем к идеям, проводимым "Современником", но что, как ни дороги для него эти идеи, он не решится без нас продолжать издание журнала, что, если мы не согласимся участвовать в нем, он немедленно закроет журнал. Мы с Антоновичем для него необходимы. Мы, наконец, смиловались над бедным Некрасовым. Я согласился, не оставляя "Очерков", в которых был законтракован, поставлять "Внутреннее обозрение" в "Современник", а Антонович - стать во главу его.

На этот раз я должен признаться, что погрешил своей честностью. Не знаю, знал ли Антонович, но я знал наверное, что Некрасов действительно говорил те слова, которыми мы обиделись. Мне передал их один хорошо знакомый мне человек, который слышал сам эти слова, когда Некрасов говорил их в каком-то книжном магазине, а этот человек был настолько правдив и беспристрастен, что в верной и точной передаче им сказанных слов сомневаться было немислимо. Для меня было очевидно, что Некрасов отпирался от своих слов. И это именно обстоятельство меня очень кольнуло где-то там в глубине моей души. Хотя я был тогда вполне убежден в моей честности, но мне вдруг стало как-то не по себе от этой честности. Как! Некрасов, этот лучший русский поэт, которым зачитывалась вся Россия, на песнопениях которого воспиталось столько поколений, в поэзии которого свет и правду черпал даже я, его сверстник... и вдруг этот человек поставлен в необходимость раболепствовать перед нами?! Как хотите, это было характерно".

Однако и после этого инцидента, едва ли не разыгравшегося в серьезный конфликт, отношение Елисеева и его сотоварищей по редакционному кружку "Современника" к Некрасову

оставалось настороженным. Об этом "свидетельствует хотя бы ревизия сотрудниками конторских книг "Современника", красочный рассказ о которой содержится в тех же воспоминаниях Елисеева: "Один раз, когда Некрасов стал жаловаться на бедность доходов журнала, на недостаток денег, и на наши возражения предложил нам проверить его конторские книги, то мы, срам! вызвались итти и делать самоличную проверку. Признаюсь, при одном воспоминании об этом, по малой мере, неприличном походе для ревизии конторских книг "Современника" у меня до сих пор выступает краска на лице. Контора "Современника" помещалась в то время в квартире заведывающего конторой Ипполита Александровича Панаева, недалеко от Технологического Института. И вот гурьбой все мы, сотрудники "Современника", я, Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович, В. А. Слепцов, А. Ф. Головачев - отправились к Панаеву. Не помню, был ли на ревизии А. Н. Пыпин. Панаев принял нас очень любезно, раскрыл все книги и стал давать объяснения по своим бухгалтерским счетам. Мы, незнакомые с бухгалтерским счетоводством, шутили, смеялись над теми *qui pro quo*, которые получались в наших понятиях по объяснениям Панаева к терминам бухгалтерии. Наш поход или, лучше сказать, набег на контору журнала был для нас в некотором роде *partie de plaisir* и не доставил нам ничего, кроме удовольствия, хотя мы далеко уже не были детьми: младшему из нас было не менее 30 лет, я был старше на 15 лет, возраст остальных варьировал между этими двумя цифрами: Мы все, неглупые, кончившие курс в высших учебных заведениях, дипломированные, сами себя считали людьми, умнейшими во всей России. Вдобавок ко всему этому надобно сказать, что мы вовсе не были злы... Но никому из нас и голову в то время не приходило, какое жестокое издевательство совершаем мы над Некрасовым. Никто не подумал о том, что должен был передумать и перечувствовать этот человек во время этой ревизии.. А еще больше, что он должен был передумать и перечувствовать после того, как эта неслыханная не только у нас, но и во всей литературе ревизия сотрудников над кассою своего редактора огласилась в литературных и журнальных кружках. Ведь подобная ревизия равносильна объявлению редактора, если не доказанным, то подозреваемым вором.

Таких унижений, самых оскорбительных для самолюбия всякого человека от нашей честности Некрасов претерпел немало, так что, обращаясь на прошедшее, думаешь, как мог выносить все это Некрасов, чего, я уверен, не вынес ни один из известных мне бывших и существующих редакторов, а тем более не вынес бы никто из нас, считавших себя вправе оскорблять его. Всякий на его месте сказал бы: "да ну вас к чорту, честные люди"; бросил бы все, и конец!"

Когда перечитываешь эти и им подобные страницы из воспоминаний Елисеева, невольно возникает вопрос, что же заставляло Некрасова так держаться за сотрудничество своих новых соредкторов? Они, как мы видели, готовы были сами покинуть "Современник"; цензурное же ведомство, в лице министра народного просвещения Головкина, самым недвусмысленным образом выражало желание, чтобы "Современник" переменил и свое направление и своих сотрудников. Трудно было подыскать более удобный момент для того, чтобы перевести журнал на новые рельсы. Однако Некрасову и в голову не приходил подобный исход. Он, как об этом и говорится в воспоминаниях Елисеева, категорически заявил, что "немедленно закроет журнал", если прежние сотрудники не возвратятся в "его. Какими соображениями он мог руководствоваться в этом случае? При тенденциозно-отрицательном отношении к Некрасову ответ на этот вопрос не представляет затруднений: "Разумеется, Некрасов в своем упорном желании возобновить "Современник" при прежнем составе его редакции имел ввиду, прежде всего, личную выгоду: "Современник", потакавший модному в то время нигилизму, приносил ему хороший доход, и он боялся его потерять".

Мы положительно утверждаем, что подобная постановка вопроса была бы в основе своей неправильной. Для нас совершенно ясно, что "Современник", и изменив своему знамени, мог бы рассчитывать на успех, так как "нигилистическое" направление, органом которого он являлся в начале 60-х гг., было скомпрометировано в глазах довольно широких общественных групп, и эти группы могли выделить из своей среды достаточно многочисленный контингент читателей для "отрешившегося от своих заблуждений" "Современника", как выделяли их для других журналов той эпохи, в основе своей враждебных нигилизму, каковы "Русский Вестник" Каткова, "Время" Достоевского. Широкие литературные связи, огромный журнальный опыт и много раз засвидетельствованная исключительная умелость Некрасова в области ведения журнального дела служили достаточной гарантией, что Некрасов сумел бы добиться и для

преобразованного "Современника" значительного успеха. Независимо от этого соображения, основательность которого, думается нам, неоспорима, мы в защиту нашей точки зрения имеем выдвинуть и другое. В нашей статье "Некрасов в роли редактора-издателя "Современника" (см. нашу книгу о Некрасове: "Некрасов. Сборник статей и материалов". М. 1914 г., стр. 120-- 143), а в особенности к статье "Практичность Некрасова в освещении цифровых и документальных данных" ("Вестник Европы" 1915 г., No 4), основанной на материале, извлеченном из найденного и обследованного нами архива конторы "Современника", содержатся совершенно, неопровержимые данные, устанавливающие, что в рассматриваемый период времени благосостояние Некрасова отнюдь не зависело от того журнального предприятия, что нередко бывали моменты, когда он вкладывал в журнал свои личные средства, что в последние годы существования "Современника" доходы от его издания тратились Некрасовым преимущественно на поддержание "бедных сирот, завещанных "Современнику" людьми, бывшими ему полезными" (слова Некрасова из его письма к Плетневу), т. е. семействам сосланного Чернышевского и умерших Панаева и Добролюбова. Ясно, что при таких условиях личные выгоды от издания "Современника" или вовсе отсутствовали для Некрасова, или же были настолько незначительны, что, разумеется, не ради них он держался за издание журнала. Основным мотивом для Некрасова являлся в данном случае мотив общественный: узы, соединявшие его с Чернышевским и Добролюбовым, были не только узамы личной дружбы, но и узамы идейного единомыслия, а потому Некрасов не мог не желать, чтобы над "Современником" развеялось знамя, водруженное при его активном участии этими двумя "великими разночинцами". Образ мыслей Некрасова в исходе 1862 г., думается, определялся, по преимуществу, этим -побуждением...

Некоторый перелом к лучшему в отношении Елисеева к Некрасову произошел, повидимому, в 1866 г. в роковые дни, предшествовавшие окончательному запрещению "Современника". 27 апреля, на обеде в Английском клубе, Некрасов, как известно, прочел льстивую оду Муравьеву-Виленскому в надежде спасти свой журнал, а через несколько дней совершил поступок, с чрезвычайной яркостью обнаруживший, что, несмотря на оду, этот недопустимый компромисс с своей совестью, он вовсе и не думал отречься от направления своего журнала, не думал рвать с наиболее "скомпрометированными его сотрудниками. Мы имеем в виду его помещение квартиры только что арестованного Елисеева. Последний так повествует об этом интереснейшем эпизоде в своих воспоминаниях: "На другой день после моего ареста Некрасов храбро явился на мою квартиру, чтобы осведомиться: что случилось и как? Я говорю "храбро" потому, что ни один из моих товарищей и вообще никто из сотрудников "Современника" не решился это сделать. Ибо с того момента, когда о выстреле Каракозова стало известно всему Петербургу, все прикосновенные к литературе тотчас поняли, что как бы ни пошло дело следствия, но литература, по установившемуся у нас обычаю, все-таки первая привлечена будет к ответу, и потому все засели дома, стараясь как можно меньше иметь между собою сообщений, исключая, разумеется, случаев крайней нужды. Некрасов прибыл на квартиру как раз в тот момент, когда там присутствовал гвардейский офицер, тот самый, который накануне арестовал меня, производил обыск у меня, и который теперь отбирал показания у моей жены и прислуги. Гвардейский офицер при появлении Некрасова немедленно арестовал его. Жена моя сначала смутилась и не знала, что ей делать, но потом, немного подумав, обратилась к офицеру с такою речью: "Господина Некрасова я вижу сегодня лицом к лицу в первый раз. Он мне вовсе не знаком. Он приезжал к мужу иногда по делам журнала, но они сговорились с мужем в кабинете глаз на глаз, и я никогда при этом не присутствовала. Вы вчера пересмотрели все бумаги мужа и взяли, что вам нужно, точно так же вы можете взять бумаги и у Некрасова и допросить его, о чем вам нужно, у него на даму. Некрасов лицо слишком известное не только в Петербурге, а и целой России. Вероятно, и вы уже учились по его стихотворениям. Он, конечно, никуда не убежит; зачем же вы будете удерживать его здесь без всякой нужды, когда ни я его не знаю, ни он меня не знает?"

Офицер смутился, не нашел, что отвечать на слова жены, но позвал прислугу и опросил, часто ли бывал у нас Некрасов и действительно ли Некрасов незнаком с моей женой, и, получив от прислуги ответы, вполне подтверждавшие слова жены, отпустил Некрасова. Но потом, продолжая допрашивать мою жену, он одумался и раскаялся в том, что отпустил Некрасова. "А это все вы виноваты,-- ворчал он, то-и-дело обращаясь к моей жене с упреками. - Со страху Некрасов очень легко мог бы оказать что-нибудь такое, что послужило бы нитью на раскрытие заговора. Некрасов наверное играет здесь не последнюю роль".

Рассказ о задержании Некрасова на квартире Елисеевых находим также и в воспоминаниях Жены Григория Захаровича - Екатерины Павловны. Отсылая интересующихся им к нашей статье в "Голосе Минувшего" (1915 г., No 1), отметим, что наличие двух рассказов об этом событии, - самого Елисеева и его жены - свидетельствует, в какой мере супруги Елисеева были поражены образом действий Некрасова. И было чем поразиться! Несравненно более близкие Елисееву Антонович, Жуковский сидели, затаившись у себя дома, а Некрасов, тот самый Некрасов, честности которого не доверяли, которого готовы были считать ренегатом, "храбро является" к Елисеевым и сам попадает под арест. Думается, не будет ошибкой предположить, что этот поступок Некрасова заставил Елисеева пересмотреть свое отношение к нему.

II

Тем более его должны были укрепить в этом намерении некоторые новые обстоятельства, свидетельствовавшие о готовности Некрасова быть ему, Елисееву, полезным и на будущее время. "После каракозовской истории, - рассказывает Елисеев в своих воспоминаниях, - я стал в некоторые особенные отношения к Некрасову. Когда я только что вышел из крепости и, не находя нигде работы, не имел чем содержаться, Некрасов написал мне из деревни письмо, в котором предлагал мне заняться приготовлением статей для издания вместе с ним отдельного сборника, обещая мне в счет этого будущего сборника давать время от времени некоторое количество денег на мое содержание. Я, конечно, с охотой на это согласился и занялся приготовлением статей".

Через некоторое время Некрасов настолько оправился от тяжелых переживаний весны 1866 г., что задумал вернуться на "онный путь, журнальный путь". И опять-таки первым делом он обратился с этим к Елисееву. "Не помню, - читаем в воспоминаниях, - в конце ли 1866 г. или в начале следующего года он присылает письмо, в котором, говоря об этом своем намерении основать новый журнал, он спрашивает меня, не пригласить ли ему к постоянному сотрудничеству в этом журнале некоторых новых лиц. В числе этих новых лиц были упомянуты граф А. Толстой, Я. Полонский, Карнович, других не помню. Хотя названные лица были совершенно безразличны, только графа А. Толстого молодежь недолюбливала за его "Пантелея Целителя", - и сочинениям некоторых из них "Современник" и прежде давал место на своих страницах, - тем не менее, заявить о их постоянном сотрудничестве в журнале значило бы дать новую окраску журналу в глазах публики... Я отсоветовал Некрасову давать другую окраску журналу. Что я ему писал, теперь не помню. Но смысл моего письма был такой: "Современник" с вами во главе заявил себя горячим борцом за новую идею и постоянно, твердо и неуклонно, шаг за шагом, шел за новыми реформами. В этом смысле его поняла и отметила читающая публика. Отступить от этого пути хотя бы на одну пядь было бы нерезонно и невыгодно. Вам в новом журнале следует развернуть то же самое знамя и нести его так же твердо и неуклонно, как и прежде, в полной уверенности, что новые идеи в конце концов все победят и всем завладеют".

Характерно, что советы Елисеева не остались без влияния на Некрасова. Когда осенью 1867 г. он приехал в Петербург и поставил вопрос о журнале на практическую почву, то уже и речи не возникало о придании ему какой-либо иной окраски. Во время формирования редакции "Отечественных Записок" (не забудем, что именно этому журналу суждено было стать органом Некрасова и кружка его единомышленников) Некрасов дал Елисееву новое и чрезвычайно яркое доказательство своего благожелательного к нему отношения. Когда Ю. Г. Жуковский, с которым Некрасов вел переговоры о вхождении его в редакцию "Отеч. Зап.", заявил ему, что он в качестве редакторов, оплачиваемых из общередакционных сумм, находит нужным пригласить только Антоновича и Пыпина, т. е. иными словами, что участие Елисеева в редакции, с его точки зрения, отнюдь не обязательно, Некрасов предпочел одного Елисеева трем остальным кандидатам в его соредакторы.

Какие мотивы определили в данном случае образ действий Некрасова?

С одной стороны, он, надо думать, затруднялся пойти навстречу Жуковскому, так как последний предъявлял ему чрезвычайно тяжелые материальные требования, с другой стороны, им, вероятно, руководило сознание, что Елисеев в литературно-общественном и

моральном отношении является настолько крупной величиной, что без него "Отечественным Запискам" будет очень трудно обойтись. В начале статьи мы напомнили читателям, как оценивали Елисеева Михайловский, Кривенко, Шелгунов. Теперь процитируем отрывок из воспоминаний Григория Захаровича, заключающий в себе его самооценку: "Я был особой важной в литературном мире, и имя мое имело очень веское значение во всех литературных кружках. В начале 1862 г., когда составила свободная ассоциация из 30 тогда более или менее известных литераторов и решилась на свои деньги издавать прекратившийся тогда за недостатком подписчиков "Век", все члены ассоциации единогласно порешили избрать редактором этого журнала меня, и в то время блиставший еще либерализмом и англomanией редактор "Русского Вестника" в Москве похвалил такой выбор в издававшейся при "Русском Вестнике" "Современной Летописи"... По закрытии "Века", а потом по остановке "Современника", когда сделалось известным, что я с Антоновичем не хотим более работать в "Современнике", меня немедленно пригласили принять на себя редактирование "Очерков". С 1863 г. вплоть до закрытия "Современника" мое литературное реноме в литературных кружках стояло так же прочно, как и прежде. Я оставался полным членом редакции и сотрудником "Современника", поставляя в него ежемесячно свои внутренние обзоры и некоторые другие статьи. В то же время я был очень коротко знаком с покойным В. С. Курочкиным и принимал самое близкое участие в "Искре", поставляя туда каждые две недели "Хронику прогресса". Кто знает, что "Искра" шаг за шагом шла за "Современником", а вместе и то, что это был распространеннейший тогда журнал, пользовавшийся громадным влиянием в обществе, тот поймет, какое важное значение имела ее полная солидарность с "Современником". После каракозовского выстрела мое литературное реноме не только не уменьшилось, но покрылось, так сказать, новым блеском по причине невинного сидения в крепости, сидения единственно за проповедь прогрессивных идей".

Итак, с 1868 г. Некрасов и Елисеев стали у руля нового журнального корабля. Какой характер приняли отношения между ними в это время? Рассмотрим, прежде всего, денежную сторону вопроса. Согласно 3-му пункту контракта с Краевским, Некрасов имел право пригласить по своему выбору "двух помощников на жалованья, производимом из журнальной суммы". Сумма же эта была определена 5-м пунктом контракта, где, между прочим, "оказано: "Общая сумма на оригинал, со включением жалования помощникам редактора, полагается до 2 тыс. на книжку". Едва ли остаток от уплаты авторского гонорара и ежемесячного жалования постоянным сотрудникам мог превосходить 400--500 рублей, а потому Елисеев, как один из двух помощников редактора, в первые годы издания "Отеч. Зап." по всей вероятности получал столько, сколько получали соредакторы Некрасова по "Современнику", т. е. 200-250 руб. в месяц. Надо думать, что точное определение условий, на которых Елисеев работал в "Отеч. Зап." конца 60-х и начала 70-х гг., последовало не перед тем, как журнал перешел в руки Некрасова, а после того. Это подтверждает и Михайловский, говоря, что, в противоположность Жуковскому, "Елисеев никаких условий Некрасову не ставил". Хотя Михайловский в другом месте своих воспоминаний и говорит, что в течение первых шести лет существования журнала под новой редакцией заработок Елисеева ограничивался лишь редакторским жалованием и полистной платой, однако у нас есть письмо Елисеева к Некрасову, позволяющее думать, что в данном случае Михайловский несколько ошибался. Это письмо, свидетельствующее, с одной стороны, о готовности Некрасова всемерно содействовать материальному обеспечению своих сотрудников, с другой, о щепетильности Елисеева, особенно в тех случаях, когда он опасался, что с повышением его заработка пострадают интересы его сотоварищей по журналу, было вызвано возникшим в 1872 г. предположением ходатайствовать об утверждении Елисеева ответственным редактором "Отеч. Зап.". Приводим его полностью:

"Николай Алексеевич.

Поразмыслив наедине о редакторстве, я пришел к следующим соображениям, которые я считаю нужным сообщить Вам для правильной постановки дела. Ответственное редакторство ш на одну йоту не увеличит моей работы. Краевский не берет денег за редакторство. Вы говорите, что также не будете брать, если Вас утвердят редактором. За что же буду брать я?

Это одно соображение. Вот другое: если я буду получать 2 000 р. в год, то этим уничтожится почти вся та сумма, которая делится между нами - и Салтыков моим жалованием

будет конфискован на 1000 и более руб. в год. Для него это будет и материально чувствительно и нравственно обидно, а этого ни Вы, ни я никак не можем желать.

Было бы справедливо, чтобы я ничего не брал за редакцию, как за дело, не прибавляющее никакой работы и как за это "не берет Краевский и не стали бы брать Вы. Но я нахожусь в другом положении и не прочь получать что-нибудь.

Размер этого "что-нибудь" безобидно, мне кажется, может быть определен следующим образом:

Из сторонних лиц можно было бы найти номинального редактора за сумму от 600 до 1200 р. в год. Мне кажется, среднее этих двух сумм будет достаточным вознаграждением за редакторство и для меня. Это среднее, т. е. 900 рубл. при 6000 подписчиков, будет составлять 15 коп. с рyla. Очень довольно.

Ваш Г. Елисеев

1872 г., марта 3 дня)".

Таким образом уже в начале 1872 г. какая-то сумма делилась между соредакторами по "Отеч. Зап.", причем каждому из них приходилось по 1000 рубл. Само собой разумеется, что в данном случае речь может идти только о дележе доходов от журнала, вернее, той части их, которая приходилась на долю Некрасова, так как согласно точному смыслу 11-го п. контракта, "оставшиеся за всеми расходами суммы" делились "поровну" между Некрасовым и Краевским, который, конечно, своею частью прибыли ни в чью пользу не поступался. Ошибочно было бы, однако, думать, что Некрасов весь приходившийся на его долю доход делил между собою и своими соредакторами на равных основаниях. Это было бы по существу несправедливо, так как в этом случае создалось бы такое положение вещей, что соредакторы Некрасова, получая ежемесячное жалование и зарабатывая, благодаря самому характеру своей литературной деятельности, значительные суммы в качестве авторского гонорара, имели бы с журнала несравненно больше, чем он. Во избежание этой несправедливости, а также, очевидно, учитывая значительность расходов на "представительство" по журналу, Некрасов считал возможным и нравственно позволительным большую часть прибыли брать себе. Материальные отношения между ним, с одной стороны, Елисеевым и Салтыковым, с другой, были окончательно оформлены в 1874 г., как это видно из нижеследующего, приводимого Н. К. Михайловским документа:

"1. С 1 января настоящего 1874 г. и впредь до истечения срока контракту, заключенному Н. А. Некрасовым с г. Краевским на аренду журнала "Отечественные Записки", мы, Елисеев и Салтыков, получаем ежемесячно по 250 р. за труды по редактированию журнала, независимо от полистной платы (по особому условию) за наши произведения, и сверх того, буде "Отечественные Записки" будут иметь более 5500 подписчиков, то получаем мы по 600 р. одновременно в конце каждого года. 2. Из чистого дохода, который имеет получаться от "Отечественных Записок" на основании упомянутого контракта, прежде всего отчисляется шесть тысяч рубл. на долю Н. А. Некрасова, затем, остальной чистый доход, за вычетом делаемых с общего нашего согласия расходов, делится между нами троими по равной части. Расчет этот делается в январе каждого года за прошедший год. 3. Условия выхода каждого из нас из редакции "Отеч. Зап.", а равно и последствия этого выхода определяются особым формальным договором, заключенным между нами нотариальным (порядком. Если Некрасов признает нужным нарушить контракт свой с г. Краевским ранее срока, то и настоящее условие прекращается".

Допуская, что авторский гонорар, получаемый каждым из двух соредакторов Некрасова по "Отечественным Запискам", был несколько менее суммы редакторского жалования, т. е. трех тысяч рубл., и не превышал, скажем, 2000 рубл., мы получим возможность исчислить, конечно, не с абсолютной степенью точности, размеры их общего заработка в год. Итак, редакторского жалования они имели по 3 000 руб., авторского гонорара по 2 000 руб., и одновременных получений в конце года по 600 рубл., а всего следовательно по 5 600 рубл., Некрасов же брал себе из доходов журнала 6 000 рубл., а остальную их часть делил между собою и

соредакторами уже на равных основаниях. Следовательно, он получал с журнала лишь очень немногим (по нашему вычислению, приблизительно 400 рубл.) больше, чем Елисеев и Салтыков. При этом надо иметь в виду, что последние два имели около 5 000 рубл. в год независимо от количества подписчиков, определявшего доходность журнала; что же касается Некрасова, то он мог рассчитывать на получение своих 6 000 руб. лишь тогда, когда журнал приносил не менее 12 000 руб. чистой прибыли. А потому, имея при успешном ведении дела столько же, сколько и его соредакторы, в случае падения подписки он рисковал получить менее их. Само собой разумеется, что подобного рода риск обуславливался тем обстоятельством, что временным собственником журнала, арендованного им у Краевского, был он, владение же капиталом, вложенным в какое-либо предприятие, наравне с положительной, имеет и свою отрицательную сторону. Во всяком случае, порядок "распределения благ", установленный Некрасовым в "Отеч. Зап.", нельзя не признать делающим честь его бескорыстием, и Михайловский был прав, назвав его "небывалым в русской журналистике", тем более "небывалым", что Некрасов "всегда мог бы сослаться на положение "Отечественных Записок": их бюджет без того был обременен арендной платой, которая не лежала на других журналах и газетах".

Для такого человека, как Елисеев, смысл его работы в "Отеч. Зап." отнюдь не исчерпывался размерами получаемого им вознаграждения. Гораздо большее значение имели для него общественная сторона дела и моральная атмосфера, создавшаяся в редакции. У нас нет ни одного факта, который давал бы основание думать, что между Некрасовым и Елисеевым происходили какие-либо несогласия по вопросу о направлении журнала. Мы убеждены, что таких несогласий и не было вовсе. Что касается моральной атмосферы, то и в этой области сколько-нибудь серьезных конфликтов, повидимому, и не происходило. Те почти что неизбежные при совместном ведении журнала трения, которые иногда имели место, заканчивались быстро и безболезненно. Об этом можно судить, например, по инциденту, вызванному тем, что Некрасов, забыв предупредить Курочкина, перевел его работать, вместо библиографического отдела, в иностранный {См. об этом инциденте в нашей статье в "Русских Записках" 1916 г., No 1.}. Сначала Елисеев очень взволновался и написал Некрасову резкое письмо, но вскоре происшедшее недоразумение было ликвидировано довольно благополучным образом. Однако этот и подобные факты еще не решают вопроса, как он собственно относился к личности Некрасова. Выше отмечалось, что посещение Некрасовым квартиры арестованного Елисеева, предоставление ему столь необходимого заработка после освобождения его из крепости, должны были заставить его несколько изменить свое первоначальное, недоверчивое и подозрительное отношение к Некрасову. Если эта перемена и совершилась, то, во всяком случае, она не имела еще решительного характера. Близкие сотрудники "Отеч. Записок", наблюдая отношение Елисеева к Некрасову, выносили впечатление, что личность Некрасова все еще была несимпатична Елисееву. Так, например, по словам С. Н. Кривенко, "насколько он (т. е. Елисеев) любил Салтыкова, настолько же лично ему был неприятен Некрасов. К Салтыкову, например, и к некоторым сотрудникам (как к А. М. Скабичевскому) вскоре после нашего знакомства он сам меня звал и ехал с удовольствием, а к Некрасову, когда тот позвал нас обедать, ехал с такого рода комментариями: "Ох, уж не люблю я этих обедов. Есть ведь редакционные обеды, так вот нет - еще у него обедайте: а там черт знает, кого можно встретить. Но надо ехать". Впоследствии, когда мы ближе познакомились, он уже не стеснялся, прямо бранил Некрасова и истолковывал некоторые его действия так, что мне приходилось не раз оспаривать его, выставляя совершенно другое объяснение". Правда, сейчас же Кривенко добавляет, что это-де "не мешало ему, однако, очень ценить Некрасова, лучшим доказательством чего служит написанная им и оставшаяся в его бумагах блестящая характеристика Некрасова", но тем не менее приведенный отрывок не теряет своего весьма неблагоприятного для личности Некрасова смысла.

В статье Михайловского об Елисееве, в свою очередь, содержится страничка, очень близкая по своему содержанию с тем, что говорит об отношении Елисеева к Некрасову Кривенко. К своему окончательному, реабилитирующему Некрасова взгляду на него, утверждает Михайловский, Елисеев "пришел... далеко не сразу. Он, конечно, всегда признавал ум и талант Некрасова и огромность его заслуги в литературе. Но вместе с тем мне случалось слышать от него очень резкие отзывы о нравственной личности поэта (не мне одному; на это имеются ядовитые намеки, между прочим, и в брошюре гг. Антоновича и Жуковского)".

Таким образом, хочет сказать Михайловский, отношение Елисеева к Некрасову было до некоторой степени двойственным. С другой стороны, в цитированных словах отмечается, что (в конце концов эта двойственность исчезла и Елисеев пришел к несравненно более благожелательному взгляду на личность Некрасова. Прежде чем ответить на вопрос, к какому же именно, подчеркнем самым решительным образом, что даже в ту пору, когда, по терминологии Кривенко, "Некрасов лично был неприятен" Елисееву, последний являлся в некоторых случаях его горячим защитником. Так, когда Антонович и Жуковский в своей полемической брошюре обрушились на Некрасова с рядом тяжелых обвинений и Некрасов был поставлен в такое положение, что ему очень трудно было возражать {Трудно потому, что Некрасов, не рискуя судьбою своего журнала, не мог декларировать "своего политического credo, не мог заявить о том, что он верен заветам Чернышевского, а "Отеч. Зап." пойдут путем "Современника".},-- с ответом Антоновичу и Жуковскому выступил Елисеев. Его большая статья "Ответ на критику" ("Отеч. Зап." 1869 г., No 4) на ⁹/₁₀ занята опровержениями критических замечаний Жуковского о труде Елисеева "Производительные силы России". Для нас же особый интерес представляет начало статьи, имеющее своей целью защиту Некрасова. Основная точка зрения Елисеева выявляется в следующих его словах: "Grattez le Russe et vo s trouverez le Tatare", оказал Наполеон о русских, и оказал великую истину. Стоит самому добропорядочному русскому человеку притти в азарт, в особенности из-за четвертаков, у него сейчас, как у дикого, расшатываются нравственные остовы, теряется всякое благоприличие. Все хляби заднего двора души его, существования которого вы до сих пор у него вовсе и не подозревали, разверзаются, и оттуда начинают литься нескончаемые потоки самой зловонной нечистоты и грязи. В то время, когда вы смотрите на это с удивлением и сожалением, он, напротив, с каким-то сияющим торжеством сидит среди изливающихся нечистот, роется в них и как будто хочет оказать вам: "А что? Ты, брат, думал, что я лучше других? Нет, ты то лыко тронь меня; я нагажу еще получше "какого-нибудь коллежского регистратора". И действительно нагадит.

Такую именно, несколько не благоухающую эманацию русского азарта представляет собою книжка, изданная г. Антоновичем и Жуковским. Кроме личных дрязг и грязи, в этой книжке ничего нет, и появление ее на свет никаким общим интересом не вызывалось и ничем не может быть оправдано. По отношению к специальной своей цели, т. е. диффамации г. Некрасова, книжка г. Антоновича и Жуковского не дает никаких веских данных. Если бы в ней было все истинно, начиная от первого слова до последнего, то и в таком случае в тех обвинениях, которые она усиливается взвести на г. Некрасова, не было бы ничего особенно ужасного для личности г. Некрасова... Можно было бы обвинить его разве только в одном, что он не опередил своего века, не положил новых начал в основу редакторской и вообще журнальной деятельности. Но и относительно этого обвинения для личности г. Некрасова, могут быть указаны смягчающие обстоятельства. Провозвестники новых начал, видимо, не довольно вразумительно для г. Некрасова выяснили различие новых начал от старых. Когда г. Жуковский говорил г. Некрасову: "дай одну половину журнальных прибылей мне, а другую возьми себе", то г. Некрасову, конечно, трудно было понять, чем эти новые начала различаются от старых и почему от принятия г. Жуковского в половинщики русская журналистика должна обновиться"...

Нет надобности распространяться, что столь резкая полемика с авторами "Материалов" была бы просто невозможна для Елисеева, если бы он не был убежден в правоте Некрасова. Характерно, что к тому же 1869 г. относится письмо Елисеева к Некрасову (от 9 июля 1869 г.), написанное в тонах не только дружеских, но и теплых:

"Очень благодарен Вам за известие о Вашем пребывании и состоянии Вашего духа. Хотя я и прежде не лишен был некоторых о Вас сведений, но так как сведения эти были передаточные, а не личного впечатления, то были недостаточно ясны и тверды. Письмо Ваше было тем приятнее для меня, что я его никак не ожидал. Ибо сам писать письма крайне ленив и, когда был за границею, едва ли написал три (письма в Россию, потому думал, что и Вам за границею не до писем, исключая, разумеется, самых необходимых...

Дело по журналу идет у нас вообще мирно и ладно, в частности с хозяином {"Хозяин", это - собственник "Отеч. Зап.", А. А. Краевский.} - тоже. Только Феофилка {Феофил Матвеевич Толстой, член совета главного управления по делам печати.} причиняет по временам

некоторые досады и горести. Так и в последней (июльской) книжке надобно было перечитать 5 листов "Рассказов" Покровского. Вымирал местах в 10-ти и все по пустякам. А делать было нечего, потому что за отъездом председателя он теперь главнокомандующий {Ф. М. Толстой исполнял в это время обязанности председателя совета главн. управл.}. Из чего Вы можете видеть, что если бы не Феофилка, то вы могли бы в Европе захватить и пол-осени. Но так как он существует и козни делать не перестает, то Вам, я думаю, надобно будет приезжать к назначенному Вами сроку, т. е. к 10 сентября или, что тоже, к выпуску сентябрьской книжки. - Таково мое мнение, которое, впрочем, предоставляю Вашему усмотрению и Вашим личным обстоятельствам. Если бы последние потребовали, чтобы Вы дольше пробыли за границею, то бог не без милости. Бог не выдаст, Феофилка не съест".

Еще больше теплоты в тех письмах Елисеева, которые относятся к лету 1876 г., когда больной Некрасов проживал в Крыму. Вот одно из них (от 27 сентября 1876 г.):

"Сейчас пришел из редакции. Грязь, слякоть, сырость по улице --невообразимые; одним словом, петербургская осень во всей красе. Кажется, и тифы уже начинаются. Какие эти дураки сербы, что не успели в течение лета взять Константинополь, как я им желал и предсказывал. Теперь мы могли бы перенести нашу редакцию в Константинополь и продолжать там издание "О. З.". Тогда Вам не нужно было бы удаляться от нас в тридевятые земли.

Говоря серьезно, я теперь начинаю жалеть немножко о том, что "О. З." впали вместе с другими органам" в воинственный тон насчет Сербии. Кажется, того, что желалось и даже представлялось как бы в кармане, т. е. освобождения Болгарии, Герцоговины, Боснии, не последует, и все дело кончится ничем, а между тем настроение, возбужденное в публике славянскою войною, вовсе неблагоприятно тем идеям, которые наш журнал стремится насадить и утвердить в публике. Тому, кто верит в телеологическую причинность явлений, может, пожалуй, показаться, что промысл устроил сербскую войну единственно в пользу "Нового Времени". Никто не будет от нее в выигрыше, напротив, потеряют все: и Сербия и другие славянские земли, Турция и Россия. Выиграет один Суворин. У него подписчиков, дескать, уже 16 000. На-днях был у меня Ефремов и рассказывал, что Краевский, как передают ему это из Литературного Фонда, не может равнодушно слышать, а приходит в некоторое содрогание, когда просто в разговоре случайно упоминается имя Суворина или "Нового Времени". Он же с обычным его юмором рассказывал, что будто бы, когда Краевский прогуливается по улице и сзади него нечаянно мальчишка-газетчик закричит "телеграммы", то он опрометью бросается бежать, подозревая в этом крике подвох со стороны своих многочисленных врагов; потом - когда в "Петербургском Листке" было объявлено, что в известный день будет происходить на Конной площади опоясание мечом Краевского, по подобию Абдул-Гамида, то будто бы его кухарка и горничная отправились смотреть на эту церемонию и потом, дескать, очень удивлялись: почему она не состоялась? Не запрещено ли, дескать, правительством?

Я приехал ныне в Петербург, по обыкновению, в сентябре и только здесь узнал, что Вы уехали в Крым лечиться, но, признаться сказать, никак не думал, что вы поехали лечиться вплотную: я был уверен, что вы, после моего отъезда за границу, поправились, а в Крым отправились только освежиться и покупаться. Лишь на-днях из письма Вашего к Салтыкову я узнал, что вы продолжаете хворать, по причине [чего] чувствуете себя не по себе. Не могу выразить Вам, как эта весть огорчила не только меня, но и мою жену - и не эгоистично только, не потому, что Вы стоите во главе нашего общего дела, а лично за Вас. В наши лета и так не особенно много радостей, а тут - чорт возьми! - еще хворь навяжется, которая не дает покою ни днем ни ночью и просто даже как-нибудь жить не дает!-- Вы пишете, что скучаете в Ялте, но иначе и быть не может, а все-таки Вам надобно волю над собой взять и не выезжать оттуда, пока совсем не поправитесь. В Ялте и климат хороши и кроме того, по верованию многих докторов, море насыщает воздух такими частицами, которые, дескать, имеют силу целить болезни, совсем недоступные для лечения современной медицины. А в Петербурге, как я Вам и сказал выше, быть теперь ужасно!

Я никуда не выхожу и никого не вижу. Вчера видел только Ратынского, он, как и всегда, мил и любезен. Он, возил Салтыкова к Григорьеву по поводу известной Вам истории. Григорьев принял его с подобающим почтением и принес всевозможные извинения. Салтыков, видимо,

остался доволен приемам. Говорит, по крайней мере, что теперь Григорьев пропустит ему все, что бы он ни написал.

В доме у Вас, как кажется, все обстоит благополучно. Ваш домовник - кучер - такая симпатичная личность, какую отыскать трудно. Вот человек, которого нельзя не любить и на которого во всем можно положиться, как на каменную гору.

До свидания; выздоравливайте скорей. Мой поклон Зинаиде Николаевне; таковой же от моей жены, которая кланяется так же и Вам и "просит напомнить Вам о давно уже обещанном портрете.

Ваш Г. Елисеев"

Если принять во внимание, что это письмо было адресовано к человеку, над которым уже витал призрак смерти, так как хотя Елисеев и выражает уверенность, что Некрасов после отъезда его за границу поправился, но это не более как хитрость, имевшая целью показать больному, что его состояние отнюдь не производит впечатления безнадежного,-- то содержание его отнюдь нельзя не признать преисполненным удивительным тактом и редкой доброжелательностью. Большая часть его занята новостями литературного характера, перемежающимися с шутками. Чувствуется, что этот несколько легкий, отнюдь не свойственный "аскету" Елисееву тон взят им с благою целью развеселить больного, оставаясь в сфере наиболее близких ему интересов. Перейдя далее к болезни Некрасова, Елисеев находит простые и искренние слова для выражения своего участия и соболезнования, причем подчеркивает, что Некрасов дорог ему не только как глава "общего дела", но и как человек. Затем следуют убеждения не возвращаться из Крыма, не долечившись. Как бы вне связи с этими убеждениями Елисеев упоминает о свидании Салтыкова с председателем главного управления сто делам печати Григорьевым, которое сошло-де настолько благополучно, что теперь Григорьев пропустит Салтыкову, "что бы ни написал". Иными словами, Некрасов может не беспокоиться, так как в настоящий момент в его вмешательстве в отношения с цензурным ведомством не представляется надобности. Наконец, в заключительной части письма Елисеев своими похвалами некрасовскому "домовнику" спешит предотвратить возможность всяких тревог со стороны своего корреспондента по поводу его пустующей зимней квартиры.

Этот краткий комментарий, думается, делает несомненным, что отношение Елисеева к личности Некрасова, по крайней мере, в последние годы совместной работы, слагалось не только из элементов уважения к старшему сотоварищу, но и дружеского расположения. В противном случае Елисеева пришлось бы признать весьма искусственным лицемером, что противоречило бы всему тому, что мы знаем о нем из его жизни и из его литературной деятельности и из показаний о нем его современников, заподозрить правдивость отзывов которых у нас нет ни малейшего основания. Да и ради чего стал бы лицемерить Елисеев тогда, как положение его в "Отеч. Зап." было прочнее прочного, а Некрасов уже, конечно, трактовался, как не жилец на этом свете?

Выводы, к которым мы приходим, несколько противоречат вышеприведенным мнениям Кривенко и Михайловского о нелюбви Елисеева к Некрасову. Думается, что противоречие здесь более кажущееся, чем действительное. Было бы, разумеется, совершенно ошибочно отрицать, что не только в годы "Современника", но и в годы возникновения "Отеч. Зап." отношение Елисеева к Некрасову было настороженным, а подчас и не вполне дружелюбным. Однако мы настаиваем на том, что это отношение *эволюционировало*, и эволюционировало в сторону все большего и большего благожелательства. Конечно, говоря об этой эволюции, надлежит иметь в виду лишь личность Некрасова, ибо никаких колебаний в вопросе о заслугах Некрасова, как поэта и журналиста, Елисеев никогда и не испытывал. Хотя четкая формулировка окончательного взгляда Елисеева на личность Некрасова относится к 80-м годам, однако, непосредственно после смерти поэта, Елисеев дал многочисленные печатные доказательства, что эта личность стала представляться ему безусловно заслуживающей уважения.

До последнего времени мало привлекали внимания те статьи Елисеева о Некрасове, которые были помещены в 1878 г. на страницах "Отеч. Зап.". Не лишнее будет остановиться на каждой из них хотя бы в беглом аспекте.

Едва ли можно сомневаться в том, что Елисеевым, или, во всяком случае, при его ближайшем участии, был написан некролог Некрасова, которым открывается первый номер журнала за 1878 г. На двух страничках этого, некролога, составленного в очень задушевном тоне, подчеркивается как раз то, что и должен был подчеркнуть народнический журнал на свежей могиле народнического поэта, а именно, что Некрасов страдал всю жизнь от сознания, что "песнь его бесследно пролетела и до народа не дошла она". Ни о чем он так не мечтал-де, как о наступлении того времени, когда "уступит свету мрак упрямый", и он "услышит песенку свою над Волгой, над Окой, над Камой". Заключительные слова некролога таковы: "Мрачный колорит его "музы мести и печали", навеянный прошлым и настоящим, не бросал ни одной тени на будущее. Там видел он свет и эту бодрость, эту веру завещал он и нам. Поэт умер, это изможденное и иссушенное страданиями тело зарыто в землю, кровь не переливается в этих жилах, мысли и образы не хранятся в этой дорогой для России голове. Поэт умер - да живет его поэзия! да сбудутся его заветные мечты!

Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте. Спасибо вам скажет сердечное
Русский народ...

Сейте во имя Некрасова и в память его. Лучших поминок он бы и сам не пожелал".

Таким образом в некрологе, как видит читатель, ничего не говорится о личности Некрасова. Однако личность эта в такой мере притягивала к себе внимание, возбуждала столь жгучий интерес и такие страстные споры, что Елисеев счел необходимым остановиться на ее оценке в том же январском номере журнала. Этому вопросу, а также и описанию похорон Некрасова он посвятил начало своего "Внутреннего обозрения", которое вел в эти годы из номера в номер. Цензура потребовала исключения относящихся к Некрасову страниц "обозрения". Редакции пришлось уступить, однако отдельные оттиски этой статьи в ее первоначальном виде уцелели. Один из них попал в наши руки, и мы в дни пятидесятилетия кончины Некрасова познакомили с его содержанием {В сборнике "Пролетарские писатели Некрасову", 1928 г.} читающую публику. Елисеев говорил здесь о тех нравственных терзаниях, которые испытывал Некрасов от сознания того, что он пропел однажды "фальшивую песнь" (подразумевается ода Муравьеву) и тем дал право пригвоздить его "жирным поцелуем к позорному столбу". Только в дни своего мучительного умирания, получая отовсюду выражения сочувствия,-- Елисеев выделяет среди них адрес студентов Петербургского университета Медико-хирургической Академии,-- Некрасов почувствовал, что "Россия ценит его заслуги и дорожит им", и это "было лучшим лекарством для него", это "умиротворило его мятущуюся душу".

Гораздо подробнее, чем в январском "Внутреннем обозрении", Елисеев высказался о Некрасове, в частности о личности его, на страницах мартовского "Внутреннего обозрения". Эта большая статья,-- в ней около двух печатных листов,-- была написана по поводу печатных откликов на смерть Некрасова, принадлежавших Суворину-Незнакомцу, Достоевскому, Маркову и некоторым другим. Вначале Елисеев резко полемизирует с Сувориным, допустившим в одном из своих фельетонов о Некрасове утверждение, что Некрасов целью своей жизни поставил наживу. Затем Елисеев возражает Достоевскому, заговорившему в "Дневнике писателя" о "миллионе - демоне Некрасова" и высказавшему мнение, что Некрасов "всю жизнь свою был под влиянием людей... никогда не признававших в народе правды и всегда ставивших европейское просвещение свое несравненно выше истины духа народного". Наконец Елисеев вскрывает плоскость и бессодержательность статьи о Некрасове сотрудника "Голоса" Евг. Маркова, пытавшегося доказать, что "тенденция загубила талант Некрасова".

В следующем апрельском "Внутреннем обозрении" Елисеев углубляет свою полемику против Суворина в связи с теми возражениями, которые вызвала его первая статья со стороны Суворина. Стоя на чисто идеалистической точке зрения, Елисеев доказывает, что значение деятельности поэта-гражданина умалывается, если возникает сомнение в его искренности, а

потому-де Суворин, утверждающий, что Некрасов всю жизнь свою стремился к наживе, бросает тем самым тень и на Некрасова, как поэта. А между тем Суворин в этих своих утверждениях совершенно не прав.

Нет надобности доказывать, что все эти печатные выступления Елисеева были продиктованы стремлением защитить память Некрасова если не от врагов, то от таких друзей, которые, с точки зрения Елисеева, были не лучше врагов. Совершенно ясно, что если бы Елисеев попрежнему стоял на своей первоначальной, не слишком благожелательной в отношении личности Некрасова позиции, -- едва ли бы он ввязался в полемику, имевшую целью реабилитировать именно личность Некрасова.

Однако, наиболее ценные высказывания Елисеева о Некрасове относятся не к концу 70-х, а к концу 80-х и даже к началу 30-х годов. Первым из них, по крайней мере, по времени напечатания, явилась статья "Некрасов и Салтыков", увидевшая свет почти через два года после смерти Елисеева на страницах "Русского Богатства" (1893 г., No 2). Статья эта в части, относящейся к Некрасову, не что иное, как новая попытка Елисеева разобраться в личности Некрасова. Особого внимания заслуживает то, как Елисеев объясняет происхождение широко распространенного мнения о "безнравственности Некрасова". Некрасов, -- говорит здесь Елисеев, -- целую голову выделялся над общим уровнем среды и был со всех сторон и всем виден. Он имел очень крупный поэтический талант, увлекавший всех не столько своею громадностью, сколько верным и метким изображением тогдашней России, и потому пользовался всеобщими симпатиями... При этом Некрасов был редактором самого распространенного и влиятельного в то время журнала. Этих двух атрибутов было вполне достаточно, чтобы зависть и, как выражался Салтыков, злопыхательство постоянно носились около него, как около намеренной ими жертвы, которую им рано или поздно предназначено пожрать". Однако Елисеев далек от мысли рисовать Некрасова человеком высоких моральных качеств. Он, по его словам, был "сыном своего времени" и в качестве такового не <мог освободиться от тех часто отрицательных "привычек, традиций, бессознательных стремлений" поползновений", которые являлись результатом влияний определенной общественной среды и эпохи. В рассматриваемой статье Елисеева, написанной уже после смерти Салтыкова, т. е. не ранее середины 1889 г. и не позднее конца 1890 г. (не забудем, что Елисеев скончался 13 января 1891 г.), есть определенное указание, что Елисеев имел намерение Некрасову и "Современнику" посвятить "особое воспоминание". Такое воспоминание и было им на самом деле написано. Однако из него опубликованы лишь небольшие извлечения {Н. К. Михайловским в "Последних сочинениях" и нами в вышеупомянутых наших статьях в "Голосе Мин." (1915 г., No 1 и 1916 г., No 2)}. Нам известно содержание всей работы (приходится очень и очень пожалеть, что она до сих пор остается неопубликованной), и мы позволяем себе заверить читателей, что взгляд ее автора на личность Некрасова не только не противоречит суждениям, высказанным в статье "Некрасов и Салтыков", а скорее *дополняет* и развивает их. Точно так же нет противоречий между этою неизданной работой Елисеева и его замечательной характеристикой личности Некрасова, содержащейся в известном ответе Елисеева Худякову. Ответ этот в более или менее полном виде был напечатан в 1902 г. П. Якубовичем в его статье о Некрасове ("Русское Богатство", 1902 г., No 11--12). Так как статья эта неоднократно вплоть до 1921 г. перепечатывалась, составив один из выпусков "Биографической библиотеки Ф. Павленкова", то и содержание ответа Худякову получило широкую известность. Это избавляет нас от необходимости цитировать целиком этот замечательный документ, подводящий итог длительным размышлениям Елисеева о личности Некрасова. Напомним только, что в начале письма к Худякову Елисеев подробно излагает мотивы, руководившие Некрасовым при написании оды в честь Муравьева доказывая "законность и необходимость" принесенной Некрасовым жертвы"; конец же письма он посвятил характеристике "героя-раба", каковым признавал Некрасова. "Для каждого времени, -- читаем мы здесь, -- является свой муж потребен. Герой тот, кто понял условия битвы и выиграл победу. Хорош и тот герой, который умирает за свое дело, так сказать, мгновенно, всецело, публично, запечатлевая перед всеми своею смертью свои убеждения; хорош и другого рода герой, герой-раб, который умирает за свое дело в течение десятков лет, умирает, так сказать, по частям, медленную смертью в ежедневных мелких пытках от внешних мелких гонений и стеснений, от сделок с своею совестью, умирает никем не признанный в своем героизме и даже под общим тяжелым обвинением или подозрением от толпы в измене делу. По условиям нашей жизни у нас мог выработаться в литературе только герой-раб. Скажем более: только такой герой и мог вынести дело новой идеи при первом ее появлении и утверждении в обществе..." Выраженный в этих

словах взгляд Елисеева на Некрасова представляет тем большую ценность, что Елисеев пришел к нему не сразу, он выработывал его постепенно, путем длительных и мучительных размышлений, сопоставляя и взвешивая отдельные черты личности Некрасова, отдельные стороны его жизни, отдельные его действия и поступки. А поле для наблюдений этого рода у Елисеева было обширное, ибо никто из журнальных соратников Некрасова не проработал рука об руку с ним в течение столь продолжительного периода времени, определяемого, как мы видели, целым двадцатилетием.

Характерно, что подобную же эволюцию в своем отношении к Некрасову проделала и жена Елисеева Екатерина Павловна. В статье о Некрасове и Тургеневе цитировалось ее неизданное письмо к Марковичу, в котором она заявляет, что смотрит на Некрасова как "на дюжинного человека", а "некоторые стороны его личности ее даже отталкивают". Но вот проходит несколько лет, и отношение Елисеевой к Некрасову настолько меняется, что она, эта, по общим отзывам, необыкновенно прямая и искренняя женщина, пишет к нему 14 марта 1872 г. следующее письмо (оно появляется в печати впервые):

"Вы, Николай Алексеевич, *хороший человек* именно тем, что никогда не поленитесь из своего положения извлечь пользу для блага ближнего. А это при современной скудости общественной добродетели есть черта, достойная всякого уважения, и я действительно глубоко уважаю в вас это *свойство*. Говорю я Вам это не только *по данному случаю*, я хочу Вам сказать, что, насколько я Вас знаю в продолжение всего времени, я сделала себе о Вас именно *такой вывод*,-- и в этом отношении едва ли Вас кто-нибудь так ценит, как я".